

отеческаго ученія о постѣ и изложить послѣднее во всей полнотѣ. Равнымъ образомъ не могъ авторъ и вполне самостоятельно изучить святоотеческія творенія и, при изложеніи ученія послѣднихъ, находился въ нѣкоторой зависимости отъ имѣвшихся у него подъ руками пособій. Но это все-же не можетъ умалить и большихъ достоинствъ названнаго сочиненія. Авторъ сумѣлъ при всеобъемлемости взгляда на предметъ сообщить полную соразмѣрность всѣмъ частямъ своей работы, сохранить полное господство надъ имѣвшимся въ его распоряженіи матеріаломъ и отмѣтить въ ученіи о постѣ именно самое существенное о характерное. Его сочиненіе написано по хорошему придуманному и выдержанному плану, простымъ, но литературнымъ языкомъ и вообще обработано достаточно. Все это позволяетъ мнѣ отнести сочиненіе г. Чиннова къ числу хорошихъ кандидатскихъ работъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Липницкаго.

„Задача этого сочиненія „освѣтить вопросъ о постахъ на основаніи Библии и святоотеческихъ твореній со всѣхъ главныхъ сторонъ“. Посему, говоритъ авторъ, „сочиненіе наше не чисто историческаго характера, не литургическаго и не полемическаго“. По своей задачѣ сочиненіе это должно быть апологетическимъ. Дѣйствительно, особенный интересъ, по словамъ автора, вопросу о постѣ придаетъ то обстоятельство, что церковное ученіе объ этомъ предметѣ подвергается жестокой критикѣ, которая сводится къ тому, что будто наша церковь въ своемъ ученіи о постахъ уклонилась отъ завѣтовъ Христа и апостоловъ и привнесла въ него много чуждаго духу христіанскаго ученія“. Названной задачѣ сочиненія г. Чиннова вполне соответствовалъ бы методъ систематическаго изложенія, и этотъ именно методъ вначалѣ авторъ и думалъ было избрать, но къ сожалѣнію предпочелъ затѣмъ, безъ достаточныхъ на-

учныхъ основаній, методъ историческій, и оттого доводы и объясненія, долженствующіе служить къ разъясненію вопроса о постѣ, остаются не соглашенными между собою и разрозненными, не приведенными къ единству общаго взгляда на предметъ.

Обязанность христіанина поститься—небезусловная, а условное имѣть значеніе, ибо постъ есть только средство для цѣли, лежащей вѣ поста,—такою цѣлью служить напр. воспоминаніе нѣкотораго священнаго событія, или приготовленіе къ принятію важныхъ обязанностей, т. е. запечатлѣніе въ душѣ мысли о важности предстоящей къ исполненію задачи, а въ первомъ случаѣ, т. е. въ случаѣ празднованія нѣкотораго воспоминаемаго священнаго событія, постъ долженъ служить средствомъ къ тому, чтобы это воспоминаніе не было безплоднымъ для нашей души, а способствовало бы нравственному нашему улучшенію. (Потому то постъ поставляется обыкновенно рядомъ съ молитвой и милостыней).

Когда для оправданія установленія постовъ приводится соображеніе о необходимости и полезности въ разныхъ отношеніяхъ воздержанія, то очевидно постъ, оправдываемый такимъ образомъ, уже теряетъ всякое спеціальное значеніе, ибо воздержаніе, умѣренность, есть общая обязанность нравственная, не ограниченная никакимъ опредѣленнымъ временемъ. Не просто воздержаніе, но воздержаніе въ спеціальному смыслѣ лишенія въ продолженіе извѣстнаго времени нѣкоторыхъ вообще дозволятельныхъ уловольствій, въ этомъ только особомъ значеніи, воздержаніе можетъ служить къ опредѣленію сущности поста. Между тѣмъ приводимыя авторомъ для оправданія поста разсужденія о воздержаніи имѣютъ большею частію смыслъ общій: воздержаніе рассматривается какъ средство къ тѣлесному и душевному благосостоянію и даже къ общественному благополучію (способствуя сбереженію расходуемыхъ на нужды жизни средствъ).

Оправданіе обязанности поститься тѣмъ, что вообще христіанинъ долженъ подчиняться руководительству церкви также не достигаетъ своей цѣли. Если посты надо соблюдать потому, что церковь ихъ установила, въ такомъ случаѣ всякія разсужденія о значеніи, о важности и цѣлесообразности поста излишни. Сверхъ того, и это главное, авторъ симъ считаетъ важнѣйшимъ возраженіемъ противъ установленія постовъ то положеніе, что церковь въ этомъ случаѣ отступила отъ духа ученія Христа Спасителя и апостоловъ. Ясно, что этотъ аргументъ противъ установленныхъ церковью постовъ не устраняется вовсе указаніемъ на обязанность повиноваться руководительству церкви. Рядомъ съ повиновеніемъ церкви для христіанина существуетъ также обязанность слѣдовать примѣру Христа Спасителя и апостоловъ. Но Христосъ и апостолы постились съ опредѣленною цѣлью, а не ради только того, что были установлены посты, и соблюденіе ихъ требовалось долгомъ повиновенія преданіямъ старцевъ, — на что ссылались книжники и фарисеи. Такимъ образомъ нельзя сказать, что авторъ, т. е. студентъ Чинновъ, благополучно рѣшилъ поставленную имъ для себя задачу — *освѣтити вопросъ о постѣ со всѣхъ сторонъ*. Выполненію этой задачи помѣшало въ значительной степени избраніе метода историческаго. Безъ сомнѣнія г. Чинновъ остановился на этомъ методѣ не ради его преимущества въ научномъ отношеніи, а единственно ради его сравнительной легкости и нетребовательности. При этомъ методѣ, вмѣсто серьезнаго изслѣдованія вопроса, можно ограничиться простымъ изложеніемъ данныхъ относящихся къ вопросу, что и было сдѣлано въ сочиненіи студ. Чиннова. Для полученія степени кандидата признаю это сочиненіе достаточнымъ“.

46) О сочиненіи студента Василія *Шановалова* на тему: „Максимъ Грекъ, какъ представитель византійскаго просвѣщенія и выразитель византійскихъ культурно-историческихъ задачъ на Руси“.

а) Экстраординарного профессора, протоієрея О. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, трехъ главъ и заключенія:

Въ *предисловіи* (стр. 9—16) авторъ опредѣляетъ предметъ своего изслѣдованія, намѣчаетъ планъ и даетъ довольно полную и обстоятельную библіографію о Максимѣ Грекѣ.

Въ *первой* главѣ (стр. 19—73) излагаются біографическія свѣдѣнія о Максимѣ Грекѣ до его прибытія въ Москву. Такъ какъ точныхъ свѣдѣній о происхожденіи, воспитаніи, образованіи и дѣятельности Максима Грека до прибытія его къ намъ въ Москву очень мало, то авторъ большую часть своихъ разсужденій въ первой главѣ сочиненія посвящаетъ характеристикѣ религіозно-нравственнаго и умственнаго состоянія Византіи и Италіи во время жизни Максима Грека. Глава заканчивается разсказомъ о прибытіи Максима Грека на Аѳонъ изъ Италіи, куда онъ отправился для полученія образованія, о принятіи имъ на Аѳонѣ монашества и, наконецъ, о его жизни и трудахъ здѣсь.

Во *второй* главѣ (стр. 75—175) авторъ весьма подробно изображаетъ религіозно-нравственное состояніе русскаго (московскаго) общества, современнаго Максиму Греку, при чемъ, въ частности говорятъ: о формальномъ, внѣшнемъ и механическомъ пониманіи русскими христіанскихъ идей, низкомъ общемъ уровнѣ нравственности, прииженномъ положеніи женщины, невѣжествѣ и другихъ недостаткахъ духовенства, о широкомъ распространеніи суевѣрій среди русскаго народа, о состояніи русскаго монашества, современнаго Максиму Греку, и недостаткахъ его жизни, о состояніи просвѣщенія въ русскомъ обществѣ и о распространеніи въ немъ, подъ вліяніемъ духовенства и особенно монашества, аскетическихъ идей. Въ заключеніе второй главы своего сочиненія авторъ характеризуетъ время жизни и дѣятельности у насъ, въ Москвѣ Максима

Грека, какъ время многихъ и разныхъ нестроений, происходившихъ частію отъ внѣшнихъ вліяній (реформаціонныхъ идей съ запада и римско-католической пропаганды), частію отъ внутреннихъ причинъ, главною изъ которыхъ авторъ признаеть невѣжество русскаго общества, современнаго Максиму Греку.

Третья глава (179—378) состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ коихъ въ первой авторъ даетъ краткій очеркъ византійскаго вліянія на древнюю Русь до Максима Грека, и во второй—изображаетъ дѣятельность самого Максима Грека на Руси, которую онъ рассматриваетъ съ различныхъ сторонъ, какъ а) просвѣтительно-публицистическую, б) религіозно-полемическую и в) національно-историческую.

Въ краткомъ *заключеніи* (стр. 399—402) авторъ даетъ оцѣнку личности и дѣятельности Максима Грека въ Россіи.

Таково содержаніе сочиненія. Главнѣйшій недостатокъ его заключается въ томъ, что авторъ рассматриваетъ личность и дѣятельность Максима Грека въ *слишкомъ* широкой перспективѣ, при которой личность Максима Грека часто совершенно ступенывается. Большая часть характеристики въ сочиненіи автора, напр., религіозно-нравственнаго и умственнаго состоянія Византіи, Италіи и древней Руси отличается *слишкомъ* общимъ характеромъ. Есть въ сочиненіи характеристика невѣрная, положенія не обоснованныя и выраженія не точныя.

Сочиненіе даетъ полный и обстоятельный отвѣтъ на вопросы. Изложеніе его удовлетворительно. Авторъ его, по нашему мнѣнію, вполне заслуживаетъ присужденія степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Сочиненіе студента Шاپовалова состоитъ изъ предисловія, трехъ главъ изслѣдованія и небольшого заключенія.

Предисловіе имѣетъ цѣлю выяснить важность личности и дѣятельности Максима Грека въ исторіи русскаго просвѣщенія

и русской общественной жизни XVI вѣка и такимъ образомъ обосновать значеніе предпріятого авторомъ изслѣдованія. Въ концѣ предисловія перечислены источники и пособія, которыми авторъ воспользовался. Перечень этотъ можно было бы существенно восполнить, но въ виду краткости времени, бывшаго въ распоряженіи автора, можно довольствоваться и перечисленными, какъ обнимающимъ наиболѣе существенные вопросы изслѣдованія.

Глава первая содержитъ біографію Максима Грека до прибытія въ Москву. Представленный біографическій очеркъ имѣетъ своею задачею обосновать взглядъ автора на Максима Грека, какъ представителя византійскаго просвѣщенія на Руси въ виду особенностей школы, пройденной Максимомъ Грекомъ въ Италіи. Поэтому очеркъ отличается сравнительною сжатою и выдержанностію въ границахъ поставленной задачи. Выдвинуты особенности просвѣщенія Италіи въ пору пребыванія здѣсь Максима Грека, отношеніе къ этому просвѣщенію самаго Максима и вліяніе на него послѣдующей жизни на Аѳонѣ, завершившей опредѣленіе его религіозно нравственныхъ понятій и отношеніе къ православной наукѣ и письменности Византіи, которыхъ онъ является потомъ носителемъ и выразителемъ.

Довольно обширная вторая глава представляетъ разборъ религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI вв. Цѣль автора — представить ту сферу, въ которой пришлось жить и дѣйствовать Максиму Греку. Господствующими особенностями жизни русскаго общества разсматриваемаго времени было развитіе формализма въ области религіи, смѣшеніе обряда съ догматомъ, сознаніе обладанія полнотою и ненарушимостью православія въ мысли и жизни и одновременно съ этимъ крайнее новѣженство русскаго народа, не исключая и духовенства, существованіе въ обществѣ грубыхъ пороковъ, отчасти отличительныхъ въ это именно время.

Главная часть сочиненія студента Шаповалова—обширная третья глава, занятая вопросом о вліянні Византіи на Русь и на русское просвѣщеніе и объ особенностяхъ дѣятельности въ той же области Максима Грека. Указывая могущественное вліяніе Византіи на просвѣщеніе Руси со времени принятія христіанства, авторъ съ тѣмъ выѣстъ отмѣчаетъ отсутствіе замѣтнаго вліяніи на Русь науки греческой, особенно до-христіанской, которая по существу осталась намъ чуждою и мало извѣстной. Въ пору дѣятельности на Руси Максима Грека наука эта возраждается на западѣ, откуда и начинаетъ проникать на Русь. Максимъ Грекъ, свидѣтель этого возрожденія на западѣ Европы, отнесся къ ней однако отрицательно и въ этомъ смыслѣ былъ истиннымъ продолжателемъ историческаго византійскаго вліяніи на Руси. Какъ дѣятель официальный, Максимъ Грекъ былъ собственно переводчикъ и исправитель церковно-богослужебныхъ книгъ; какъ невольно вовлеченный въ современную ему русскую общественную и даже государственную жизнь, Максимъ Грекъ вооружается противъ недостатковъ современнаго русскаго общества какъ историческихъ, такъ и тѣхъ, которые были слѣдствіемъ завязавшихся сношеній съ западомъ Европы. Къ послѣднимъ относится увлеченіе религіознымъ вольномысліемъ Запада, астрологіей, попытки ознакомленія съ католицизмомъ чрезъ посредство посланниковъ папы и выходцевъ съ запада Европы, въ родѣ Николая Нѣмчина. Особую миссію Максима Грека на Руси составляетъ борьба съ попытками папъ подчинить Россію своему главенству, усиліе Максима поддержать на Руси авторитетъ—и вліяніе константинопольскаго патріарха и попытка подвигнуть Василия Іоанновича III на борьбу съ турками въ цѣляхъ восстановленія былаго византійскаго царства.

Очень коротенькое заключеніе не представляетъ обобщенія богатаго содержанія предшествующихъ главъ.

Сочиненіе студента Шаповалова читается съ интересомъ, обнаруживаетъ въ авторѣ трудолюбивое и добросовѣстное отно-

шеніе къ дѣлу, основательное изученіе сочиненій Максима Грека. Какъ въ научномъ трудѣ начальномъ, встрѣчаются въ изслѣдованіи студента Шаповалова недомолвки, еще чаще обмолвки, неизбѣжныя при краткости времени, которымъ располагалъ авторъ; но указаннныя недочеты не ослабляютъ впечатлѣнія. Стилъ въ общемъ довольно правильный и легкій.

Для соисканія степени кандидата богословія диссертация вполне удовлетворительная“.

47) О сочиненіи студента Леонтія Яновскаго на тему: „Геннадій масситійскій (какъ историкъ церковной письменности по преимуществу)“.

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова:

„Сочиненіе студента Яновскаго состоитъ изъ введенія и пяти главъ изслѣдованія. Во введеніи авторъ намѣчаетъ задачу и планъ сочиненія, сообщаетъ краткія свѣдѣнія о ви́шней судьбѣ текста твореній Геннадія и указываетъ источники и пособія, бывшіе въ его пользованіи.

Въ *первой* главѣ излагаются біографическія свѣдѣнія о Геннадіѣ и его лигературной дѣятельности. Во *второй* главѣ указываются источники, какими пользовался Геннадій при составленіи своего каталога *de viris illustribus*. Въ *третьей* главѣ показывается отношеніе Геннадія къ писателямъ, помѣщеннымъ въ его каталогъ, особенно же — полупелагіанамъ и ихъ сочиненіямъ, а также отношенія Геннадія къ противникамъ полупелагіанства (блж. Августи́ну и Просперу), къ папамъ римскимъ, къ еретикамъ и другимъ. Въ *четвертой* главѣ авторъ говоритъ о хронологіи въ каталогѣ „*de viris illustribus*“, при чемъ высказываетъ такой взглядъ на этотъ предметъ. „Хронологическія указанія Геннадія въ большинствѣ случаевъ почти всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности, опредѣляются по времени

царствованія римскихъ императоровъ и касаются въ одинаковой степени какъ писателей запада, такъ равно и востока. Въ этомъ отношеніи ошибки встрѣчаются рѣдко; гораздо чаще погрѣшаетъ Геннадій въ очереди, отводимой имъ писателямъ (стр. 99—100)“. Въ дальнѣйшемъ разсужденіи автора указываются важнѣйшія хронологическія ошибки Геннадія, встрѣчающіяся въ его каталогѣ *de viris illustribus*.

Въ послѣдней *пятой* главѣ авторъ показываетъ значеніе каталога Геннадія *de viris illustribus* историко-литературное, біографическое и бібліографическое и сравниваетъ языкъ сочиненія Геннадія съ языкомъ блж. Іеронима.

Изложенное нами вкратцѣ содержаніе сочиненія студента Яновскаго показываетъ, что авторъ стремился обнять предметъ изслѣдованія съ возможною полнотою и обстоятельностью. Но это похвальное его стремленіе не всегда увѣнчивается надлежащимъ успѣхомъ.

Такъ авторъ, разсматривая каталогъ Геннадія *de viris illustribus* съ разныхъ точекъ зрѣнія, указывая его достоинства, и недостатки, не перечисляетъ всѣхъ писателей, упоминаемыхъ Геннадіемъ въ его каталогѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать автору, что, какъ онъ самъ замѣчаетъ вначалѣ сочиненія, о каталогѣ Геннадія *de viris illustribus* „въ русской богословской литературѣ нѣтъ никакихъ изслѣдованій“ (стр. 3). Такой же пробѣлъ встрѣчается и въ тѣхъ мѣстахъ сочиненія г. Яновскаго, гдѣ (стр. 118, 120) онъ говоритъ о писателяхъ, встрѣчающихся въ каталогѣ Геннадія, но не перечисляетъ поименно этихъ писателей, а только дѣлаетъ голословныя ссылки на главы каталога, къ которымъ читатель долженъ самъ обращаться.

Въ концѣ сочиненія авторъ говоритъ о церковныхъ писателяхъ, подражавшихъ Геннадію въ составленіи разныхъ каталоговъ тѣхъ или другихъ сочиненій и сочинителей. Но въ чемъ состоитъ это подражаніе, авторъ не указываетъ (стр. 124). Въ

языкъ сочиненія г. Яновскаго встрѣчаются неровности, шероховатости и выраженія, не вполне удобныя въ серіозномъ богословскомъ изслѣдованіи (стр. 23, 89, 47, 53—54, 64, 66, 73, 85, 105, 120).

Къ достоинствамъ сочиненія слѣдуетъ отнести то, что оно составлено самостоятельно, по нарочно избранному плану, изложено большею частію языкомъ правильнымъ и яснымъ, по мѣстамъ живымъ и увлекательнымъ. Авторъ можетъ быть удостоенъ степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова“.

„Разработка означенной, необширной по объему, темы произведена авторомъ по широкому, находящемуся въ полномъ согласіи съ существомъ самаго предмета, плану, соответственно которому г. Яновскій въ пяти главахъ своего сочиненія изложилъ и изслѣдовалъ біографическія свѣдѣнія о Геннадіи, и источники его сочиненія *de viris illustribus*, выяснялъ отношеніе этого автора къ прежнимъ церковнымъ писателямъ и современнымъ ему, опредѣлялъ хронологическія данныя, литературное и историческое значеніе названнаго сочиненія. Видно, что авторъ всесторонне изучилъ и обслѣдовалъ предметъ своего сочиненія, показавъ при этомъ хорошее знаніе источниковъ и пособій, а равно и надлежащее критическое отношеніе къ нимъ. По этимъ качествамъ разсматриваемое сочиненіе можно было бы признать очень хорошимъ, если-бы въ языкѣ и содержаніи его не встрѣчались нѣкоторые недостатки, легко, впрочемъ, устранимыя, однако не устраненныя авторомъ и принижающіе достоинство его труда. Рѣчь автора отличается вообще простотою, ясностію и выразительностію; но встрѣчаются выраженія нестерпимо худыя по построенію, слова, взятые не въ надлежащемъ значеніи или же извращенныя: напр. Свагріій вм. Евагріій (стр. 39), Фаветь Рицкій (63) вм. Ф. Ретійскій. Въ содержаніи сочиненія

находимъ критическія замѣчанія, основанныя на извращеніи общеизвѣстныхъ хронологическихъ датъ; такъ, авторъ дѣлаетъ упрекъ Гевнадію за то, что онъ помѣщаетъ блаж. Августина между писателями, умершими въ началѣ 5-го вѣка, а не въ концѣ этого вѣка; но эта неудачная поправка произошла вслѣдствіе того, что г. Яновскій смерть Августина, послѣдовавшую въ 430 г., относитъ къ 480 г.

Но недостатки указанныхъ двухъ родовъ немногочисленны и ни въ какомъ случаѣ они не могутъ значительно умалять достоинство сочиненія Яновскаго, которое считаемъ удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

48) О сочиненіи студента Николая *Оедорова* на тему: „Способы воссоединенія еретиковъ съ Церковью въ первые 9 вѣковъ ея существованія“.

а) И. д. доцента О. Мищенко:

„Сочиненіе, кромѣ краткаго предисловія и нѣсколькихъ строкъ послѣловія, состоитъ изъ трехъ главъ: I гл. — о присоединеніи еретиковъ мірянъ къ церкви въ первые 3 вѣка, II гл. — о томъ же въ періодѣ вселенскихъ соборовъ и III гл. — о присоединеніи еретическихъ клириковъ въ оба эти періода.

Въ основныхъ своихъ взглядахъ авторъ, повидимому, склоняется къ строгой Кипріановской точкѣ зрѣнія, по которой всякое еретическое крещеніе признается недѣйствительнымъ, и потому нормальной формой принятія крещенныхъ въ единую Церковь должно быть перекрещиваніе. Значительную часть первой главы авторъ посвящаетъ доказательствамъ того, что строгая практика перекрещиванія ведетъ свое происхожденіе отъ апостоловъ, тогда какъ обычай болѣе снисходительнаго отношенія къ еретикамъ — позднѣйшаго западно-римскаго происхожденія. Такъ какъ цѣлѣю Тартузіана примѣръ свѣдѣтельствъ въ

пользу исключительности перекрещиванія авторъ не находить, то доказательства его являются не вполне убѣдительными, не смотря на искусство ихъ построенія. Во второй періодъ, періодъ вселенскихъ соборовъ, практика болѣе снисходительная, признававшая, при извѣстныхъ условіяхъ, силу еретическаго крещенія, возобладала надъ практикой болѣе строгой; въ этомъ авторъ видитъ уступку со стороны церкви обстоятельствамъ времени. Въ отношенія къ клирикамъ дѣйствовали тѣ же принципы, что и въ отношеніи къ мірянамъ, и въ III гл. авторъ излагаетъ исторію вопроса о воссоединеніи клириковъ съ церковью главнымъ образомъ съ фактической стороны.

Хотя и не всѣ высказанные въ сочиненіи взгляды являются убѣдительно обоснованными, и не всѣ факты достаточно освѣщены, тѣмъ не менѣе сочиненіе производитъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе научными приемами и постановкой изслѣдованія, изобличающими въ авторѣ челоуѣка серьезной школы. Особенно надо поставить въ заслугу автору его неуклонное тяготѣніе къ первоисточникамъ: свои выводы и сужденія, свое изображеніе историческихъ фактовъ онъ всегда старается обосновать не на чужихъ взглядахъ и мнѣніяхъ, а на твердомъ основаніи текста источниковъ. Правда, заявленіе его, что у него не было „надежныхъ руководствъ и пособій“ (см. послѣсловіе), должно быть принято съ большими ограниченіями: уже одно изданіе Mansi давало ему матеріалъ въ такомъ подборѣ и съ такими иногда примѣчаніями, которыя въ значительной степени облегчали ему разрѣшеніе его задачи; большую благодарность долженъ принести онъ также такому руководителю своему, какъ историкъ Hefele; обязанъ онъ кое-чѣмъ и другимъ пособіямъ, до спеціальной диссертациі на его тему Серафимова включительно. Но, дѣйствительно пособіями своими онъ пользуется только какъ средствомъ найти доступъ къ первоисточникамъ; даже въ указаніяхъ общаго характера и на общеизвѣстные историческіе факты онъ предпочитаетъ дѣлать ссылки не

на курсы исторіи и новѣйшія изслѣдованія, а на подлинныя произведенія первоисточниковъ — Евсевія, Сократа, Созомена и др. Вообще источники все время занимаютъ центральное мѣсто въ полѣ зрѣнія автора, и на нихъ главнымъ образомъ фиксировано его вниманіе. Въ самомъ пользованіи источниками авторъ также обнаруживаетъ чисто научное къ нимъ отношеніе, стараясь всегда принять въ соображеніе свѣдѣнія касательно исторической достовѣрности и историческаго значенія источника, а также предлагая, гдѣ нужно, свои разясненія смысла историческихъ свидѣтельствъ. Правда, не всегда съ этими разясненіями можно согласиться, но никогда въ то же время онѣ не высказываются голословно, безъ извѣстной мотивировки.

Путемъ такого изслѣдованія матеріала въ сочиненіи г. Оедрова возсоздается фактическая исторія разсматриваемаго вопроса съ такой полнотой, съ какой доселѣ въ русской литературѣ она не представлялась.

Излагая факты, авторъ старался, конечно, уразумѣть и внутренній смыслъ ихъ, уяснить тѣ историческія, каноническія и догматическія начала, которыя опредѣлили такое именно, а не иное развитіе изслѣдуемаго имъ предмета. Многое авторомъ сдѣлано въ этомъ отношеніи, но еще больше, по нашему мнѣнію, остается сдѣлать: не всѣ факты достаточно освѣщены съ ихъ внутренней стороны, и недостаточно привлеченъ къ дѣлу и изслѣдованъ матеріалъ, могущій служить къ выясненію движущихъ принциповъ изложенной исторіи. Изслѣдователю надо было бы выяснять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, почему церковь поступила такъ, а не иначе, и для этого обратить особенное вниманіе въ источникахъ на мѣста, имѣющія характеръ мотивировки, тогда только открылась бы возможность сдѣлать твердо-обоснованныя обобщенія, и тогда авторъ точнѣе, а, быть можетъ, и нѣсколько иначе, формулировалъ бы свои выводы. Но такія требованія, конечно, можно предъявлять только какъ задачу для дальнѣйшей переработки труда, а не какъ критерій

для оцѣнки сдѣланнаго въ теченіе одного года. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важно, что авторъ сознавалъ необходимость такой постановки вопроса и по мѣрѣ того, насколько позволяло время (въ первой главѣ больше чѣмъ въ слѣдующихъ) велъ свое изслѣдованіе именно въ этомъ направленіи.

Сочиненіе и въ томъ видѣ, какъ оно есть, читается съ большимъ интересомъ, и въ качествѣ первой научной ступени къ рѣшенію поставленнаго вопроса производить самое благоприятное впечатлѣніе.

На случай переработки сочиненія, автору слѣдуетъ также обратить вниманіе на стиль, по мѣстамъ тяжеловатый.

Въ качествѣ кандидатской диссертациі сочиненіе должно быть признано весьма хорошимъ“.

б) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Въ предисловіи къ своему труду ст. Ѳеодоровъ обозрѣваетъ и оцѣниваетъ скудную литературу по вопросу о возсоединеніи еретиковъ, себѣ самому онъ ставитъ задачу „обратить вниманіе на богатую область матеріала... сопоставить этотъ матеріалъ (читай: историческія данныя) съ данными вселенскаго канона и отсюда попытаться создать себѣ возможно паглядную картину практики до соборнаго и соборнаго періодовъ“. Для выполненія этой задачи авторъ обратился къ выходящему снова въ свѣтъ изданію Mancı „Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio“ и др. изданіямъ, русскому переводу „Дѣяній вселенскихъ соборовъ“, а также къ историческимъ памятникамъ и твореніямъ христіанской древности, какъ въ переводахъ, такъ и въ подлинномъ текстѣ, а именно къ твореніямъ Еусевія, Сократа, Созомена, Ѳеодорита, Руфина, Григорія Великаго, Льва I и друг. Пособіями ему служили труды *Гефеле*, *Conciliengeschichte*, *Штокмана*, *Elucidarius haeresium, schismatum...* и др. Собранный въ указанныхъ древнихъ и новыхъ произведеніяхъ и

изданіяхъ историко-каноническій матеріалъ авторъ систематизировать и представилъ въ слѣдующихъ трехъ главахъ: 1) Возсоединительная практика Церкви первыхъ трехъ вѣковъ; 2) практика возсоединенія съ Церковію еретиковъ вообще въ періодъ Вселенскихъ соборовъ; 3) возсоединительная практика Церкви до-Вселенскаго и Вселенскаго періодовъ относительно еретическихъ клириковъ.

Студентъ Ѳедоровъ довольно удачно справился съ взятымъ на себя трудомъ, обнаруживъ во время его способность выдѣлять изъ множества данныхъ существенное и давать собранному довольно стройный научный видъ. Конечно отъ его труда и нельзя требовать широкой постановки вопроса и *вполнѣ* научной разработки въ примѣненіи къ настоящему времени и его запросамъ: матеріалъ его работы весьма обильный, трудный для усвоенія и допускающій партійныя перетолкованія почти по каждому вопросу и требующій критическаго отношенія почти къ каждому историческому извѣстію. Однако не смотря на эти трудности авторъ, — въ первый разъ выступающій съ серьезнымъ научнымъ трудомъ, — не растерялся и довелъ свою работу до конца такъ, что сочиненіе его, самостоятельно по плану, не менѣе самостоятельно и по изложенію матеріала и его критической оцѣнкѣ. На мой взглядъ студентъ Ѳедоровъ — обнаруживаетъ зачатки серьезнаго церковно-историческаго изслѣдователя. Недостатки своего труда неизбежны въ каждомъ первомъ научномъ опытѣ, онъ самъ ясно видитъ и сожалѣетъ, что не располагалъ большимъ временемъ для ихъ устраниенія.

Онъ послѣдовательно въ строго выдержанномъ планѣ обобщаетъ практику перекрещиванія еретиковъ и споры поэтому вопросу между Римомъ съ одной стороны и Востокомъ и Африкою съ другой, довольно убѣдительно разъясняетъ несогласіе теоріи и практики въ вопросѣ о перекрещиваніи; обобщаетъ практику принятія еретиковъ чрезъ миропомазаніе или чрезъ таинственное возложеніе рукъ для низведенія св. Духа;

уясняетъ значеніе практики принятія еретиковъ чрезъ руково-
 зложеніе въ знакъ отпущенія грѣховъ, и практики воссоединенія
 еретиковъ чрезъ исповѣданіе вѣры и отреченія отъ ересей, а
 въ послѣдней главѣ, особенно важной для настоящаго времени,
 излагаетъ матеріалы, говорящіе о воссоединеніи клириковъ въ
 періодъ Вселенскаго единства Церкви. Было бы желательно,
 чтобы свой трудъ, вполне достойный признанія его очень хоро-
 шимъ кандидатскимъ, студентъ Ѳедоровъ не забросалъ въ архи-
 вѣ, а продолжилъ то, что начато, дополнялъ недостаточное,
 разъяснилъ нѣкоторые темныя мѣста и болѣе легкимъ языкомъ
 изложилъ свои соображенія; его работа не осталась бы,—какъ
 мнѣ кажется,—безъ должной оцѣнки со стороны любителей
 церковно-исторической науки“.

Постановили: 48 сочиненій студентовъ IV курса, на
 основаніи заслушанныхъ о нихъ отзывовъ, признать дающими
 право авторамъ ихъ на полученіе степени кандидата богосло-
 вія,—именно: сочиненія студентовъ Н. Пузанова и А. Чека-
 новскаго признать отлично-хорошими, сочиненія В. Барвипка и
 Н. Ѳедорова—отличными, сочиненія іеромонаха Аполлинарія
 (Кошевого), Н. Державина, А. Кильчевскаго, Е. Нагорнаго,
 іеромонаха Назарія (Лажавы). А. Ннкифорова, М. Омеляно-
 вича, А. Поповича, П. Сербинова и Г. Скарданицкаго—весьма
 хорошими, сочиненія священника Н. Блошенко, Н. Богоявлен-
 скаго (Олонецкаго), Б. Георгіевскаго, В. Гомерова, И. Зелен-
 кевича, П. Коробейникова, П. Смирнова, И. Стелецкаго,
 Н. Троепольскаго и В. Шаповалова—очень хорошими, сочи-
 ненія И. Ашихмана, Н. Богоявленскаго (новгородскаго), И. Глад-
 ковскаго, Н. Поройкова, Н. Пустошнова, Д. Терзича и Г. Чин-
 нова—очень удовлетворительными, сочиненія В. Демьяновскаго,
 М. Мильскаго, Н. Москалевича, М. Орлова, А. Проскуря-
 кова, П. Симоновскаго, В. Солнцева и В. Травина—хорошими,
 сочиненія А. Боброва, М. Глаголева, М. Иллюминатова,

И. Левитскаго, И. Паславскаго и Л. Яновскаго—удовлетворительными, сочиненія В. Бошняковича, В. Зерчанинова и П. Стасипевича—достаточными для кадидалскоѣ степени. Отзывы эти имѣть въ виду какъ при составленіи порядковаго списка студентовъ IV курса, такъ и при удостоеніи ихъ ученой степени или званія, на основаніи § 132—133 Уст. дух. акад.

II. Докладъ секретаря Совѣта: „По 4 § Правиль касательно изданія курсовыхъ сочиненій студентовъ Киевской Духовной Академіи на проценты съ пожертвованнаго на этотъ предметъ капитала бывшимъ Ректоромъ Академіи преосвященнымъ Димитріемъ (Ковальницкимъ), нынѣ архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ, Совѣтъ Академіи, по выслушаніи отзывовъ о всѣхъ кандидатскихъ сочиненіяхъ, имѣть особое сужденіе о рекомендованныхъ наставниками къ печати студенческихъ работахъ и опредѣляетъ, какія изъ нихъ могутъ и должны быть напечатаны. О семъ имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Совѣта“.

Справка: Къ напечатанію на проценты съ означеннаго капитала бывшими въ собраніи наставниками Академіи рекомендованы курсовыя сочиненія студентовъ А. Боброва, В. Гомерова, Н. Державина, А. Кильчевскаго, А. Поповича, Г. Скарданицкаго, Н. Поройкова и одна глава изъ сочиненія священника Н. Блошенко.

Постановили: Разрѣшить напечатать на проценты съ капитала, пожертвованнаго на изданіе курсовыхъ студенческихъ сочиненій бывшимъ Ректоромъ Академіи, нынѣ архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ Димитріемъ курсовыя сочиненія студентовъ А. Боброва, В. Гомерова, Н. Державина, А. Кильчевскаго, А. Поповича, Г. Скарданицкаго, Н. Поройкова и одну главу изъ сочиненія священника Н. Блошенка. Если въ сборникъ по недостатку процентовъ не можетъ войти весь этотъ

Журналъ.

матеріаль, то предоставитъ Преосвященному Ректору Академіи право по своему усмотрѣнію сдѣлать въ ономъ сокращенія.

III. Отзывы о сочиненіи бібліотскаря Кіевской Духовной Академіи кандидата Амвросія Крыловскаго на тему: „Львовское Ставропигіальное Братство“ (Кіевъ, 1904), представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова:

„Сочиненіе г. Крыловскаго А. имѣетъ своимъ предметомъ Львовское Ставропигіальное Братство. Братство это, начало котораго скрывается въ отдаленномъ прошедшемъ, существуетъ и въ настоящее время подъ именемъ „Ставропигіальнаго института“, или просто „Ставропигіи“. Въ теченіи своей болѣе чѣмъ трехвѣковой жизни Львовское братство претерпѣло много перемѣнъ. На глазахъ исторіи оно постепенно росло, расцвѣтало, иногда какъ будто завядало, а потомъ снова оживало, цвѣло и приносило многіе и различные духовные плоды. Однимъ словомъ, Львовское ставропигіальное братство, безспорно, одно изъ важнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ западно-русскихъ братствъ, представляетъ собою настоящее органическое явленіе въ исторіи многострадальной Западной Руси.

Какъ явленіе именно историческое, подчиненное въ своей жизни законамъ органическаго развитія, Львовское братство, разумѣется, должно было имѣть въ основѣ своей корни, изъ которыхъ оно выросло, а также и почву, на которой оно могло такъ прочно привиться. Только при этихъ необходимыхъ условіяхъ, Львовское братство могло принести и тѣ богатые плоды, которыми въ свое время питалась вся Западная православная Русь и которыми доселѣ продолжаетъ пользоваться и наслаждаться русскій народъ въ Галиціи.

Такимъ образомъ, написать исторію Львовскаго ставропигіального братства, по нашему мнѣнію, значитъ показать зарожденіе его, постепенное возрастаніе его и затѣмъ изобразить всѣ тѣ переменны, какія братство имѣло въ своей жизни.

Автору разсматриваемой нами монографіи, повидимому, предносилась эта именно идея исторіи Львовскаго братства, когда онъ составлялъ планъ своего сочиненія.

Книга г. Крыловскаго А., содержащая въ себѣ исторію Львовскаго братства, состоитъ собственно изъ двухъ половинъ. Вторая нѣсколько меньшая первой—половина книги занята „приложеніями“. Въ качествѣ такихъ приложеній напечатано 89 документовъ, частію имѣющихъ отношеніе къ исторіи Львовскаго братства, частію же (напримѣръ №№ 2, 4, 8—10. 12, 21—22, 39—40, 50, 73—74 и 76—89) не имѣющихъ такового отношенія къ Львовскому братству, что сознаетъ и самъ авторъ (стр. 309. прим. I). Правду сказать, мы совершенно не понимаемъ, зачѣмъ собственно и съ какою именно цѣлію эти документы приложены къ сочиненію о Львовскомъ братствѣ; самъ же авторъ объ этомъ, къ сожалѣнію, не обмолвился рѣшительно ни однимъ словомъ. И потому, такъ какъ авторъ не объясняетъ настоящаго отношенія „приложеній“ къ своему сочиненію и ни одного разу не ссылается на нихъ въ своей книгѣ, и даже болѣе того: пользуясь документами, напечатанными у него въ отдѣлѣ приложеній, цитируетъ эти документы по другимъ источникамъ (см. напр., стр. 100 прим. 4 ср. Приложенія докум. № XXXV стр. 76—79), т. е. какъ бы игнорируетъ самъ свои „приложенія“, то и мы въ своей дальнейшей рѣчи не будемъ касаться ихъ, а будемъ говорить только о первой половинѣ его книги. Первая половина книги содержитъ въ себѣ собственно „опытъ церковно-историческаго изслѣдованія“ о Львовскомъ ставропигіальномъ братствѣ. Она состоитъ изъ *введенія* и *шести главъ*.

Во введеніи (стр. I—XXII) авторъ говоритъ о происхожденіи братствъ, старается разяснить сущность ихъ, изображаетъ

устройство и задачи братствъ въ первое время ихъ существованія. Здѣсь же авторъ ведетъ рѣчь о причинахъ возникновенія западно-русскихъ братствъ, ихъ развитія въ концѣ XVI в., существенныхъ задачахъ ихъ дѣятельности, каковыми онъ признаетъ религіозно-просвѣтительную и національную. Разсужденіями о причинахъ упадка западно-русскихъ братствъ и заканчивается введеніе.

Какъ видимъ, во введеніи къ своему изслѣдованію авторъ ставитъ и пытается рѣшить вопросы весьма важные, капитальные и сложные. Разумѣется, идея не только рѣшить означенные вопросы, но даже хотя бы сколько нибудь освѣтить ихъ есть идея весьма заманчивая. Неудивительно и то, если подобная идея могла возникнуть въ умѣ автора, много лѣтъ трудившагося надъ изученіемъ исторіи одного изъ важнѣйшихъ западно-русскихъ братствъ. Слово его, особенно слово самостоятельное, основанное на специальномъ изученіи предмета, тѣмъ болѣе должно быть цѣнно, что всѣ означенные вопросы нашими историками рѣшаются обыкновенно весьма разнорѣчиво.

Къ сожалѣнію, справедливость требуетъ сказать, что читатель напрасно будетъ искать подобнаго оригинальнаго слова у автора во введеніи къ его книгѣ. Авторъ такъ обще, такъ бѣгло и такъ поверхностно рѣшаетъ возбуждаемые имъ важные вопросы, касающіеся самого существа братскаго института, что, право, лучше было бы, если бы онъ совсѣмъ не затрагивалъ такихъ вопросовъ.

Для примѣра остановимся на разсужденіяхъ автора по вопросу о происхожденіи западно-русскихъ братствъ. Изложивъ весьма кратко мнѣя, высказанныя въ наукѣ по этому вопросу, авторъ затѣмъ „присоединяется“ къ мнѣнію проф. С. Т. Голубева, которъ называетъ сначала „замѣчательнымъ“, потомъ выдающимся, далѣе „очень убѣдительнымъ“ и, наконецъ, общепринятымъ. Мнѣніе это, по словамъ автора, состоитъ томъ, что институтъ братствъ развился, будто бы, на

права патронатства такъ наз. коллективнаго. Свое „присоединеніе“ къ этому мнѣнію авторъ мотивируетъ тѣмъ, что, дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, *оно наиболѣе оправдывается исторією западно-русскихъ братствъ, пережившихъ нѣсколько фазъ своего бытія*“ (стр. IV—V).

Что-же? казалось бы чего лучше и ожидать, какъ если бы авторъ, спеціально занимавшійся изученіемъ исторіи Львовскаго братства, о которомъ онъ говоритъ, что „оно было старѣйшимъ и первымъ между всѣми православными братствами, съ постановленіями котораго эти послѣднія должны были сообразоваться, при самомъ живомъ участіи котораго совершались важнѣйшія дѣянія въ западно-русской церкви и уставъ котораго служилъ образцомъ для другихъ братствъ (стр. 308)“, „оправдалъ“ и освѣтилъ то мнѣніе, къ которому онъ „присоединяется“, на основаніи именно исторіи Львовскаго братства. Но авторъ этого даже и не пытается сдѣлать; да и хорошо дѣлаетъ, поступая такъ, потому что ни уставъ Львовскаго братства, ни его дѣйствительная исторія, излагаемая въ книгѣ, ни мало не оправдываютъ этого „замѣчательнаго“ мнѣнія. И что особенно странно, какъ это то, что авторъ ищетъ „оправданія“ замѣчательнаго мнѣнія въ исторіи и порядкахъ, существовавшихъ на православномъ Востокѣ, въ единоувѣрной Греціи и имѣвшихъ, какъ думаетъ авторъ, „вліяніе хотя бы то и незначительное“ на устройство западно-русскихъ братствъ“, (стр. V). Подобнымъ же образомъ, т. е. бѣгло, обще, но верхностно и уклончиво рѣшаетъ авторъ во введеніи къ своему изслѣдованію и всѣ другіе вопросы, касающіеся существа братскаго института. А между тѣмъ въ томъ же введеніи авторъ не даетъ читателямъ именно того, что онъ, по нашему мнѣнію, *рѣшительно обязанъ былъ дать*. Разумѣемъ въ данномъ случаѣ отсутствіе въ книгѣ обзорнѣя литературы вопроса.

Въ настоящее время признана всѣми необходимость предпосылки къ изслѣдованію хотя бы краткаго критическаго обзора

литературы предмета. Это отнюдь не шаблонный приемъ и даже не роскошь какая-либо, а вопиющая необходимость, такъ какъ читающему изслѣдованіе важно знать, въ какомъ положеніи вопросъ, трактуемый въ книгѣ, находится въ литературѣ, что для его изученія сдѣлано прежде и что дастъ для этого новое изслѣдованіе.

Но если для всякаго солиднаго изслѣдователя необходимо предпосылать своему сочиненію критическій обзоръ литературы вопроса, то для автора разсматриваемой нами монографіи это было сугубо необходимо и такъ естественно, что отсутствіе всякой рѣчи во введеніи къ книгѣ объ источникахъ, какими руководствовался авторъ при написаніи своего сочиненія, мы, съ своей стороны, признаемъ результатомъ простой нелогичности, или забывчивости автора.

Дѣло въ слѣдующемъ. Ни для кого изъ насъ не тайна, что авторъ разсматриваемой монографіи прежде изданія въ свѣтъ своей книги напечаталъ акты, протоколы и другія дѣловыя бумаги, относящіяся къ исторіи Львовскаго ставропигіальнаго братства въ трехъ томахъ Архива Юго-Западной Россіи (X, XI и XII). Акты эти, довольно замѣтить, представляютъ весьма крупную научную цѣнность. Томы Архива Юго-Западной Россіи, гдѣ они напечатаны, снабжены авторомъ довольно обширными предисловіями, *изъ которыхъ почти цѣликомъ и составила разсматриваемая нами монографія.* Намъ кажется, что одно только упоминаніе объ этомъ, съ одной стороны, значительно возвышало бы въ глазахъ читателя цѣнность и авторитетность изслѣдованія, а, съ другой стороны, и объясняло бы кое что въ характерѣ сочиненія, особенно въ методологической сторонѣ его, что теперь, къ сожалѣнію, остается не для всякаго понятнымъ.

Въ *первой* главѣ своего изслѣдованія, которую авторъ называетъ вступительною (стр. 1—28), излагаются имъ общія историческія судьбы Галицкой, или Червонной Руси, со времени

ся появленія на исторической сценѣ въ видѣ опредѣленной величины и до конца XVI в., т. е. до времени происхожденія Львовскаго Ставропигіальнаго братства. Здѣсь, въ частности, авторъ излагаетъ исторію Галиціи до подчиненія ея Польшѣ, говоритъ о начавшейся послѣ этого присоединенія борьбѣ въ ней между представителями православно-русской и польско-католической культуры, о репрессивныхъ мѣрахъ польскихъ королей въ отношеніи къ православнымъ жителямъ Галиціи, о закрытіи королемъ Ягайломъ Галицкой православной епископіи, учрежденіи въ Галиціи римско-католической архіепископіи, подчиненіи православнаго намѣстника католическому архіепископу, о возникшей вслѣдствіе этого борьбѣ православныхъ галичанъ съ католиками, о возстановленіи въ Галиціи православной епископіи и услугахъ, оказанныхъ при этомъ православнымъ галичанамъ со стороны Кіевскихъ митрополитовъ. Глава заканчивается краткими замѣчаніями автора о положеніи православія въ Галиціи послѣ возстановленія здѣсь православной епископіи до конца XVI в.

Итакъ, на 28 страницахъ авторомъ излагается церковно-политическая исторія Галицкой или Червонной Руси на протяженіи около 7 столѣтій. Понятно, что очеркъ долженъ былъ получиться весьма общимъ, бѣглымъ и поверхностнымъ. Если этотъ очеркъ былъ предназначенъ для того, чтобы приготовить читателя къ дальнѣйшему изложенію исторіи происхожденія и дѣятельности Львовскаго ставропигіальнаго братства, то справедливость требуетъ сказать, что этой послѣдней цѣли авторъ въ первой главѣ своего сочиненія мало достигаетъ.

Въ частности, предлагаемое авторомъ объясненіе мотивовъ учрежденія отдѣльной галицкой митрополіи въ XIV в. должно быть признано одностороннимъ и даже неправильнымъ. Авторъ говоритъ: „Прежнія мѣры къ совращенію православныхъ въ католицизмъ возведены были въ систему, при чемъ сдѣлана была энергичная попытка къ подрыву православія и русской

народности возобновленіемъ существовавшей прежде непродолжительное время Галицкой митрополіи“... (стр. 7). Читатель, разумѣется, рѣшительно не можетъ понять, какимъ образомъ возстановленіе православной митрополіи въ Галиціи могло служить цѣлямъ римско-католической пропаганды? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: *при этомъ имѣлось въ виду, говоритъ онъ, отдѣльностью церковнаго управленія поддерживать политическую отдѣльность Галицкой Руси отъ другихъ русскихъ областей и тѣмъ прикрѣпить ее къ Польшѣ*“. Но тутъ явное смѣшеніе понятій. Извѣстно, что и Кіевъ и Вильно, и Владиміръ на Клязьмѣ, и Москва, и даже Тверь, стремились къ учрежденію у себя самостоятельной митрополіи. Но можно ли сказать, что всѣ они стремились въ данномъ случаѣ, хотя бы отчасти, „къ подрыву православія въ русской народности“? Дѣло объясняется просто: сепаративныя политическія стремленія отдѣльныхъ центровъ древней Руси были одною изъ важнѣйшихъ *причинъ*, подготовившихъ у насъ образованіе въ свое время отдѣльныхъ самостоятельныхъ митрополій, въ томъ числѣ и галицкой митрополіи, а отнюдь не *цѣлію* и тѣмъ болѣе не *средствомъ* „къ подрыву православія и русской народности“. Авторъ разсматриваемой монографіи и здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, попадаетъ просто въ просакъ, желая однимъ взмахомъ пера рѣшать аподиктически весьма сложные и капитальные вопросы исторіи русской церкви.

Во *второй* главѣ (стр. 29—74) авторъ начинаетъ рѣчь собственно о Львовскомъ братствѣ. Разказавъ весьма кратко объ обстоятельствахъ происхожденія Львовскаго братства, авторъ затѣмъ излагаетъ уставъ братскій, сравниваетъ уставъ ставропигіального успенскаго братства съ уставомъ другихъ галицкихъ братствъ (Львовскаго благовѣщенскаго и Вишенскаго троицкаго), говоритъ о вліяніи Львовскаго ставропигіального братства на другія западно-русскія церковныя братства, въ

особенности, Виленское св. духовское. Покончивъ рѣчь съ исторіею происхожденія и окончательной организаціи Львовскаго ставропигіальнаго братства, авторъ затѣмъ описываетъ черты устройства успенскаго братства во Львовѣ. Онъ говоритъ, въ частности, о составѣ братства, правилахъ при вступленіи въ члены братства, отступленіяхъ отъ этихъ правилъ, дѣлавшихся (отступленіяхъ) для лицъ иногороднихъ и занимавшихъ высокое общественное положеніе, о такъ наз. „вступномъ“, выборахъ старшихъ братчиковъ, времени выборовъ, распредѣленіи должностей, отчетахъ старшихъ братчиковъ и ихъ помощниковъ, о братскихъ собраніяхъ (сходкахъ), о братскомъ знаменіи (рисунокъ котораго напечатанъ здѣсь же), порядкѣ и правилахъ, соблюдавшихся во время братскихъ собраній, о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ на братскихъ собраніяхъ, о братскихъ постановленіяхъ, способахъ ихъ примѣненія къ дѣлу, о наказаніяхъ, — употреблявшихся братствомъ, и, наконецъ, о матеріальныхъ средствахъ братства.

Вторая глава сочиненія можетъ быть, по справедливости, признана лучшею среди другихъ и весьма цѣнною. Она составлена почти исключительно на основаніи первоисточниковъ и потому изобилуетъ новизною фактовъ. Всѣ факты, сообщаемые въ ней, и всѣ основныя положенія ея авторъ обильно и умѣло иллюстрируетъ разсказами изъ жизни Львовскаго братства. Читается эта глава съ большимъ интересомъ.

Третья (стр. 75—135) и *четвертая* (стр. 136—186) главы сочиненія неразрывно связаны между собою. Въ нихъ авторъ излагаетъ исторію борьбы, какую должно было вести Львовское братство, съ одной стороны, съ латино-уніатскою партіею и вообще со виѣшними своими врагами и препятствіями (глава третья), а съ другой стороны, съ своими православными епископами (особенно Гедеономъ Балабаномъ, Іосифомъ Шумлянскимъ и отчасти митр. Петромъ Могилою), о чемъ говорится въ четвертой главѣ. Та и другая главы заканчиваются

одинаково рѣчью автора объ изнеможеніи Львовскаго братства въ борьбѣ съ своими противниками и препятствіями—внѣшними и внутренними—и о переходѣ его въ унію. Кажется, что авторъ напрасно и безъ нужды такъ рѣзко разграничилъ рѣчь о борьбѣ Львовскаго братства съ внѣшними и внутренними препятствіями. Этимъ именно мы объясняемъ и то, что авторъ въ третьей и четвертой главахъ вынужденъ былъ повторяться, напр., въ рѣчи объ отношеніи къ братству со стороны Гедеопа Балабана, Іереміи Тиссаровскаго, митр. Петра Могилы, равно какъ и въ заключительной рѣчи обѣихъ главъ о принятіи Львовскимъ братствомъ уніи въ 1708 г. (ср. стр. 74, 134 и 186). Намъ кажется, что и картина борьбы Львовскаго братства съ его противниками и неблагоприятными условіями вышла бы гораздо полнѣе и выразительнѣе, и финалъ этой борьбы въ видѣ перехода братства въ унію получился бы яснѣе и понятнѣе для читателей, если бы авторъ свои рѣчи о внѣшней и внутренней борьбѣ братства изложилъ въ видѣ одного цѣльнаго очерка.

Авторъ, по видимому, склоненъ къ признанію главною и даже почти единственною причиною перехода Львовскаго братства въ унію считать оскуднѣніе его матеріальныхъ средствъ.

Вторую главу своего сочиненія онъ заканчиваетъ, между прочимъ, слѣдующими словами: „Крайнее истощеніе кассы и подрывъ братской типографіи Іосифомъ Шумлянскимъ, посовѣтовавшимъ монахамъ Георгіевской церкви завести у себя типографію, деморализовали братство и оно, послѣ долгаго разсужденія, вынуждено было принять ненавистную ему дотолѣ унію (1708 г.)“ (стр. 74 ср. 186). Хочется вѣрять, что авторъ допустилъ здѣсь невольный *lapsus linguae*, такъ какъ, если онъ серьезно готовъ утверждать, что переходъ Львовскаго братства въ унію былъ слѣдствіемъ „крайняго истощенія кассы и подрыва братской типографіи Іосифомъ Шумлянскимъ“, то этимъ самымъ онъ ясно покажетъ, что слишкомъ мало цѣнить идейныя заслуги Львовскаго братства и признаетъ весьма непрочною его преданность православноѣ вѣрѣ и русской народности.

Въ главѣ *пятой* (стр. 187—227) авторъ сначала весьма подробно и обстоятельно излагаетъ исторію построенія Львовскимъ братствомъ Успенской каменной церкви, ея украшенія и освященія, а затѣмъ говоритъ о средствахъ религіозно-нравственнаго вліянія братства какъ на своихъ членовъ, такъ и на всѣхъ вообще православно-русскихъ жителей Галиціи и даже всей Западной Руси, а именно: о благолѣшіи богослуженія, проповѣдничествѣ въ братскомъ храмѣ, о благотворительности братства, о судѣ и наказаніяхъ, при помощи которыхъ поддерживалась чистота жизни въ сердцѣ братчиковъ.

Въ *шестой* главѣ (стр. 228—307) авторъ съ такою же обстоятельностью и весьма подробно говоритъ о просвѣтительной дѣятельности Львовскаго братства и органахъ ея въ видѣ братской школы и братской типографіи. Говоря о братской школѣ, авторъ описываетъ ея устройство и средства содержанія, составъ учениковъ, ихъ понятія и обязанности и содержаніе братскихъ учителей, при чемъ излагаетъ и біографическія свѣдѣнія замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ, характеризуетъ отношенія учителей и учениковъ къ братству, предметы обученія и учебники. Въ трактатѣ о братской типографіи авторъ описываетъ ея устройство, управленіе, заботы братства о точности и чистотѣ печатанія книгъ, условія, на которыхъ книги печатались, говоритъ о продажѣ книгъ братской типографіей и о мѣстностяхъ, гдѣ они находили наибольшее распространеніе.

Послѣ изложенія судебныхъ дѣлъ братства съ другими типографами-предпринимателями, авторъ заканчиваетъ рѣчь о о братской типографіи перечисленіемъ книгъ, какія были въ ней напечатаны и извѣстны въ бібліографіи.

Относительно пятой и шестой главъ монографіи должно сказать то же самое, что мы раньше говорили о второй главѣ. Пятая и шестая главы сочиненія написаны на основаніи первоисточнаго матеріала, отличаются повизною и обстоятельностью свѣдѣній и даютъ полное и ясное представленіе о тѣхъ предметахъ, какіе въ нихъ трактуются.

Вся книга заканчивается краткою общею характеристикою дѣятельности Львовскаго братства на пользу православія и русской народности (стр. 308—309).

Таково содержаніе и характеръ разсматриваемаго нами сочиненія. Авторъ изслѣдованія обпаружилъ обширную и глубокою эрудицію въ избранной имъ для себя области. Трудъ его займетъ видное мѣсто въ ряду сочиненій, посвященныхъ изученію столь важнаго въ исторіи западно-русской церкви института, какъ братства, а для ученыхъ, интересующихся исторіею собственно Львовскаго братства, онъ вмѣстѣ съ документами, изданными авторомъ, долженъ сдѣлаться настольною книгою.

Изложеніе книги отличается весьма внимательною и тщательною обработкою, которая въ иныхъ мѣстахъ даетъ себя чувствовать даже въ явный ущербъ свободному полету мысли. Во многихъ мѣстахъ своего сочиненія авторъ обнаруживаетъ замѣчательную склонность писать предложеніями безъ подлежащихъ (стр. 14, 123, 128, 180 и 226), что можетъ неспріятно дѣйствовать, по крайней мѣрѣ, на строгихъ стилистовъ.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ высказать не замѣчаніе критическое, а совѣтъ автору. Мы бы совѣтовали автору, во избѣжаніе недоразумѣній, теперь же измѣнить заглавіе своей книги. Говоримъ это на основаніи слѣдующихъ соображеній. Настоящее заглавіе книги такое: „Львовское ставропигіальное братство“ (Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія). Мы уже упоминали, что Львовское братство и теперь существуетъ, только подъ другимъ именемъ. Еще недавно оно праздновало свой трехсотлѣтній юбилей, въ память котораго выпустило юбилейное изданіе, посвященное трехвѣковой исторіи существованія братства. Такимъ образомъ, нынѣшняа Львовская ставропигія, или ставропигійскій институтъ считаетъ себя прямымъ и законнымъ продолжателемъ древняго православнаго Львовскаго братства. Въ виду этого, всякій, прочитавъ настоящее заглавіе книги г. Крыловскаго, вправѣ разсчитывать, что онъ найдетъ

въ книгѣ полную исторію Львовскаго братства за все время его существованія до настоящаго времени. Въ этой своей мысли онъ еще болѣе укрѣпится, когда прочитаетъ введеніе къ книгѣ, гдѣ авторъ совсѣмъ ничего не говоритъ ни о задачѣ, ни о предѣлахъ своего изслѣдованія. Только уже почти въ самомъ концѣ книги, на стр 286, по совершенно случайному поводу, авторъ говоритъ, правда, слѣдующее: „наша задача представить дѣятельность братства на пользу православной церкви и русской народности до принятія имъ уніи“. Къ сожалѣнію, авторъ совершенно ничѣмъ не мотивируетъ такого ограниченія предѣловъ своего изслѣдованія. Такъ какъ рѣшительно невозможно допустить той мысли, чтобы авторъ переходъ Львовскаго братства въ унію считалъ равносильнымъ прекращенію имъ своего существованія, то остается думать, что на катастрофу съ братствомъ въ 1708 г. онъ смотритъ, какъ на конецъ его доблестнаго служенія православной вѣрѣ и русской народности. Но и съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Даже и самъ авторъ говоритъ, что „братство и по принятіи официально уніи не переставало продолжать свою благотворную дѣятельность на пользу православной вѣры и русской народности, издавая по прежнему церковно-богослужебныя книги безъ всякой перемѣны и безъ всякаго препятствія со стороны уніатовъ (а само оно тогда было развѣ не уніатскимъ?) до 1722 года“. Итакъ, и съ этой стороны 1708 годъ долженъ быть оставленъ, какъ такой именно, на которомъ можно было бы прекратить обзорѣніе исторіи Львовскаго братства и его служенія на пользу православія и русской народности. Что же касается служенія Львовской ставропигіи на пользу русской народности и русской культуры въ широкомъ смыслѣ этого слова, то она, по нашему мнѣнію, никогда не прекращала этого своего служенія.

Впрочемъ, мы не будемъ спорить о томъ, гдѣ, на какомъ году автору слѣдовало было остановить свое изслѣдованіе. Это его дѣло. Но разъ онъ, по такимъ или инымъ соображеніямъ,

рѣшили остановиться въ своемъ изслѣдованіи на 1708 году, то и долженъ былъ во 1) сказать объ этомъ въ началѣ книги и во 2-хъ) соответственнымъ образомъ озаглавить ее. Настоящее содержаніе книги давало право автору дать такое заглавіе ей: „Львовское православное ставропигіальное братство“ (до 1708 г.).

Само собою разумѣется, что авторъ разсматриваемой нами монографіи, по нашему мнѣнію, вполне заслуживаетъ присужденія ему ученой степени магистра богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Названное сочиненіе представлено на соисканіе ученой степени магистра богословія. По выработавшемся исторически взгляду отъ сочиненія на степень магистра требуется: 1) чтобы оно представляло трудъ самостоятельный, а не компилятивный, вносило въ науку что-либо новое, доселѣ неизвѣстное. Научная новизна можетъ состоять въ открытіи и обнародованіи новаго матеріала или въ новомъ освѣщеніи матеріала извѣстнаго, рѣже открытаго и обнародованнаго; 2) магистерское сочиненіе должно обнаружить въ авторѣ знакомство съ научными приѣмами обработки и освѣщенія даннаго матеріала, знакомство съ выработанными формами изложенія и литературной рѣчи. Не говоримъ о знакомствѣ автора съ литературой предмета, такъ какъ подобное знакомство предполагается и въ трудѣ компилятивномъ. Предъявляя указанныя требованія къ сочиненію г. Крыловскаго, находимъ: 1) что оно представляетъ собою многотѣпный трудъ, посвященный собиранію новаго матеріала по затронутому вопросу. Въ самомъ сочиненіи, заглавіе котораго мы выписали, помѣщено 88 новыхъ актовъ; но извѣстныму уважаемому совѣту три большихъ тома актовъ, непосредственно и посредственно касающихся исторической судьбы Львовскаго братства. Томы эти слѣдующіе: а) часть первая X тома

Архива Югозападної Россіи. Кієвъ 1904 года, содержащая 26 стр. введенія и 814 стр. текста актовъ; б) часть первая т. XI того же архива, содержащая 158 стр. введенія и 766 стр. текста актовъ; в) часть 1 тома XII того же Архива, содержащая 123 стр. введенія и 629 стр. текста актовъ. Указанныя здѣсь введенія составляютъ текстъ разсматриваемаго нами сочиненія. Отсюда ясно, что диссертація г. Крыловскаго по своему матеріалу представляетъ трудъ самостоятельный, приносящій въ историческую науку много новаго; 2) но за обнаруженный сырой матеріалъ ученыхъ степеней давать не принято. Что же представляетъ собою сочиненіе г. Крыловскаго, какъ опытъ научной обработки добытаго имъ самимъ и ранѣе извѣстнаго историческаго матеріала? По нашему взгляду, авторъ обнаружилъ достаточное знакомство съ научными приѣмами обработки актовъ и пониманіе особенностей исторической эпохи, затронутой въ его сочиненіи. Сочиненіе читается съ интересомъ и неослабвающимъ вниманіемъ. Языкъ легкій и правильный. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ заключеніе, что сочиненіе г. Крыловскаго вполне удовлетворяетъ требованія, предъявляемыя къ магистерскимъ диссертаціямъ.

О недочетахъ сочиненія умѣстнѣе побесѣдовать на диспутѣ“.

Постановили: Сочиненіе кандидата богословія А. Крыловскаго, согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллоквиумѣ, назначивъ официальными оппонентами при защитѣ заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина и экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова, время же самаго коллоквиума предоставить назначить Ректору Академіи.

IV. Прошеніе экстраординарнаго профессора Кіевской Академіи протоіерея Ѳеодора Титова, отъ 2 іюня сего года:

„Представляя при семъ въ количествѣ 60 экземпляровъ свое сочиненіе, въ двухъ книгахъ, подъ заглавіемъ: а) „Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. Томъ первый. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII вв., первая половина тома (1655—1725 г.) и б) „Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ XVII—XVIII вв. Томъ второй. Кіевская митрополія—епархія въ XVII—XVIII вв. (1685/6—1797 г.), первая половина тома. Кіевъ. 1905 г.“, покорнѣйше прошу принять его для разсмотрѣнія въ качествѣ диссертациі на степень доктора церковной исторіи“.

Постановили: Представленныя профессоромъ протоіереемъ Ѡ. Титовымъ сочиненія передать на разсмотрѣніе ординарному профессору В. Завитневичу, съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить второго рецензента по своему усмотрѣнію.

V. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона: „Совѣтомъ Академіи 10 февраля сего года было передано профессору Н. Маккавейскому на разсмотрѣніе сочиненіе профессора А. Дмитріевского подъ заглавіемъ. „Ставленникъ“, представленное А. Дмитріевскимъ на соисканіе первой юбилейной преміи митрополита Московскаго Макарія. Нынѣ профессоръ Н. Маккавейскій проситъ въ виду своей болѣзни освободить его отъ разсмотрѣнія поименованнаго сочиненія. Предлагаю Совѣту Академіи назначить другого рецензента названнаго сочиненія“.

Постановили: Сочиненіе профессора А. Дмитріевского „Ставленникъ“ передать на разсмотрѣніе заслуженному ординарному профессору В. Шѣвниக்கு.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „15 іюня 1905 г. Читаль“.

1905 года 3 июня.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессеры, кромѣ экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушамъ: I. а) Предложеніе Ректора Академіи: „На основаніи представленныхъ наставниками Академіи годичныхъ списковъ студентовъ I, II и IV курсовъ за истекшій учебный годъ и экзаменаціонными комиссіями списковъ тѣхъ же студентовъ съ экзаменными баллами ихъ по каждой наукѣ, а также списковъ и. об. инспектора Академіи съ баллами по поведенію студентовъ всѣхъ курсовъ, особо назначеною Совѣтомъ комиссією составлены для каждаго курса особыя вѣдомости, по которымъ, согласно §§ 132 и 133 Уст. дух. акад., сдѣланъ необходимый выводъ и составлены порядковые списки студентовъ, на основаніи балловъ ихъ по поведенію, сочиненіямъ и устнымъ отвѣтамъ. Означенныя вѣдомости и порядковые списки студентовъ I, II и IV курсовъ представляю Совѣту Академіи для окончательнаго опредѣленія порядка студентовъ въ общихъ спискахъ и постановленія о переводѣ въ слѣдующіе курсы однихъ и о выпускѣ изъ Академіи другихъ“.

б) Прошенія студентовъ I курса Академіи Леонида Матусевича и Евгенія Садовскаго, не державшихъ по болѣзни годичныхъ испытаній, объ оставленіи въ виду ихъ болѣзненнаго состоянія на второй годъ на I курсѣ съ сохраненіемъ за ними стипендій.

в) Докладъ секретаря Совѣта: „Имѣю честь доложить Совѣту Академіи, что кромѣ студентовъ Л. Матусевича и Евгенія Садовскаго, не держали по болѣзни испытаній: студентъ I курса діаконъ Григорій Абу-Хатабъ—по всѣмъ пред

Журналы.

метамъ I курса, и II курса Вячеславъ Ангельскій—по священному писанію ветхаго завіта, введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, исторіи и обличенію русскаго раскола, логикѣ и метафизикѣ, библейской археологіи, греческому и нѣмецкому языкамъ. Діаконъ Григорій Абу-Хатабъ проситъ о разрѣшеніи держать испытанія по всѣмъ предметамъ I курса въ августѣ сего года, а В. Ангельскій—въ началѣ сентября сего года.—Студентъ II курса іеромонахъ Мисаиль (Пантеличъ) въ мартѣ сего года скончался на родинѣ. Студенты III курса, за исключеніемъ священника Василя Богородицкаго, священника Ѳ. Гаврилова, іеромонаха Нектарія (Глобы), М. Померанцева и Д. Шнуркова, не представили семестроваго сочиненія по священному писанію новаго завіта, а также уклонились отъ экзамена по церковной археологіи, за исключеніемъ священника Василя Богородицкаго, священника Ѳ. Гаврилова и іеромонаха Нектарія (Глобы).

Справка: 1. Къ концу 1904¹/₂ учебнаго года въ Академіи значится по спискамъ: на I курсѣ 50 студентовъ, на II курсѣ 52 студента, на III курсѣ 49 студентовъ и на IV курсѣ 48 студентовъ. Всѣ студенты I и II курсовъ, кромѣ поименованныхъ въ докладѣ, написали положенныя три сочиненія и одну проповѣдь, окончили испытанія по всѣмъ предметамъ и по поведенію имѣють баллы 5 и 4, почему и подлежатъ переводу въ слѣдующіе курсы.

2. Относительно студентовъ III курса, не подававшихъ семестроваго сочиненія и не державшихъ экзамена по церковной археологіи, Совѣтомъ Академіи 27 мая сего года постановлено разрѣшить имъ представить не поданныя ими своевременно семестровыя сочиненія по священному писанію новаго завіта и подвергнуть ихъ экзамену по церковной археологіи въ концѣ августа сего года; тогда же имѣтъ сужденіе и о переводѣ всѣхъ студентовъ III курса на IV курсъ. Постановленіе

это утверждено Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, 3 сего іюня.

3. Всѣ студенты IV курса представили положенныя сочиненія на ученую степень, которыя Совѣтомъ Академіи признаны дающими право авторамъ ихъ на получение степени кандидата богословія, написали по одной проповѣди и сдали экзамены по предметамъ IV курса. За время всего четырехлѣтняго академическаго курса всѣ подлежащіе выпуску изъ Академіи студенты по устнымъ отвѣтамъ изъ каждой науки имѣють въ среднемъ выводѣ баллы 5, 4 и 3, т. е. удовлетворительные для полученія степени кандидата богословія.

Постановили: На основаніи балловъ по поведенію, сочиненіямъ и устнымъ отвѣтамъ, согласно § 81 а, 4 Уст. дух. академій,

А) 47 студентовъ I курса перевести въ слѣдующій II курсъ въ соотвѣтствующемъ достоинству ихъ балловъ порядкѣ:

1. Курпунжи Дмитрій.	Олтаржевскій Григорій.
Васильевъ Александръ.	Уловичъ Филимонъ.
Ласточкинъ Николай.	Кедровъ Павелъ.
Тихвинскій Викторъ.	Чистяковъ Василій.
5. Великославинскій Александръ.	20. Снѣгиревъ Викторъ.
Шебатинскій Константинъ.	Соболевъ Валеріанъ.
Оетисовъ Николай.	Каменскій Владиміръ.
Власовскій Иванъ.	Іосифъ (Николовъ іерод. болгар.).
Громадскій Александръ.	Колосовъ Сергій.
10. Викторовскій Григорій.	25. Варваръ Ибрагимъ (сир.).
Петровъ Викторъ.	Безобразовъ Сергій.
Евоимій (Сапунджіевъ) іеродіаконъ (болг.).	Маньковскій Николай.
Митроцкій Михайлъ.	Новеденскій Владиміръ.
Вознесенскій Викторъ.	Кудрявцевъ Сергій.
15. Преображенскій Василій.	30. Илюхинъ Николай.
	Астровъ Сергій.

Гладкій Александръ.	Діомидовъ Сергѣй.
Никитскій Викторъ.	Деметровиць Ілія, свящ.
Леонидовъ Николай.	(сербъ).
35. Павловичъ Василій.	Ивановъ Бончо (болгар.).
Павловскій Григорій.	Іовъ (Зуммеръ) іерод.
Архангеловъ Григорій.	45. Мубайедъ Антоній діаконь
Ефремовъ Митрофанъ.	(сир.).
Дмитровскій Михаилъ.	Сидауи Василій діак. (сир.).
40. Никитинъ Николай.	47. Еня Николай (румынь).

Студенту діакону Григорію Абу-Хатабу предоставитъ сдать послѣ каникулъ экзамены по всѣмъ предметамъ I курса.

Студентовъ Матусевича Леонида и Евгенія Садовскаго оставить на второй годъ на I курсѣ.

В) 50 студентовъ II курса перевести въ III курсъ въ такомъ порядкѣ:

1. Соколовъ Василій.	Бѣляевъ Владиміръ.
Поповъ Григорій.	Колосовъ Николай.
Варлаамъ (Новгородскій)	Поспѣловъ Сергѣй.
іером.	Рыболовскій Александръ.
Тріодинъ Иванъ.	20. Рождественскій Θεодоръ.
5. Ивановъ Назарій.	Яновскій Никодимъ.
Прилуцкій Василій.	Капинскій Михаилъ.
Кустовъ Аѳаногенъ.	Соколовъ Иванъ.
Фелицынъ Николай.	Разногорскій Константинъ.
Пановъ Евгеній.	25. Филагріевскій Вячеславъ.
10. Чудновцевъ Николай свящ.	Кулагинъ Сергѣй.
Сушицкій Θεоктистъ.	Филиппенко Сергѣй.
Амфитеатровъ Валентинъ.	Брянскихъ Петръ.
Поповиць Григорій.	Четвериковъ Константинъ.
Подольскій Николай.	30. Чистяковъ Михаилъ.
15. Булгаковъ Георгій.	Казанскій Владиміръ.

Скотынский Іосифъ.	Никольскій Павелъ.
Буевской Василій.	Дыдевичъ Василій.
Василиади Стиліанъ (грекъ).	45. Казміровичъ Радованъ
35. Михалевичъ Леонидъ.	(сербъ).
Романовъ Николай.	Веніаминъ (Исуповъ) іерод.
Бокаревъ Александръ.	Петровичъ Миланъ (сербъ).
Кудрявцевъ Леонидъ.	Савватій (Врабецъ) іерод.
Аѳанасьевъ Александръ.	Налпанисъ Константинъ
40. Богуславскій Евгеній.	(грекъ).
Никитинъ Василій.	50. Поповичъ Душанъ (сербъ).
Левицкій Петръ.	

Студенту Вячеславу Ангельскому предоставить сдать послѣ каникулъ экзамены по священному писанію ветхаго завітѣ, по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, по исторіи и обличенію русскаго раскола, по логикѣ и метафизикѣ, по библейской археологіи, по греческому и нѣмецкому языкамъ.

Іеромонаха Мисаила (Пантелича) исключить изъ списковъ студентовъ II курса за его смертію.

В) Выслушавшихъ въ теченіе четырехъ лѣтъ полный курсъ академическихъ наукъ выпустить изъ Академіи въ слѣдующемъ, соотвѣтственно достоинству ихъ успѣховъ, порядкѣ:

1. Чекановскій Алексѣй.	Солнцевъ Владиміръ.
Пузановъ Николай.	Левитскій Иванъ.
Коробейниковъ Павелъ.	Барвинокъ Владиміръ.
Ѳеодоровъ Николай.	Чинновъ Григорій.
5. Поройковъ Николай.	15. Блошенко Никифоръ свящ.
Державинъ Николай.	Травинъ Виталій.
Никифоровъ Александръ.	Смирновъ Павелъ.
Кильчевскій Александръ.	Богоявленскій Николай
Назарій (Лежава) іером.	(новгород.).
10. Богоявленскій Николай	Аполлинарій (Кошевой)
(олон.).	іером.

20. Москалевичъ Николай. Сербиновъ Петръ. Гладковскій Иванъ. Проскуряковъ Александръ. Поповичъ Алексѣй. 25. Скарданицкій Григорій. Омеляновичъ Михайлъ. Нагорный Евгеній. Гомеровъ Василій. Мильскій Михайлъ. 30. Троепольскій Николай. Иллюминатовъ Михайлъ. Пустошновъ Николай. Георгіевскій Борисъ. Стеллецкій Игнатій.	35. Зерчаниновъ Владиміръ. Бобровъ Александръ. Глаголевъ Михайлъ. Ашихманъ Иларіонъ. Орловъ Михайлъ. 40. Шаповаловъ Василій. Зеленкевичъ Иванъ. Демьяновскій Василій. Пославскій Иванъ. Стасиневичъ Павель. 45. Симоновскій Петръ. Яновскій Леонтій. Бошняковичъ Войславъ. Терзичъ Димитрій.

Изъ нихъ: а) А. Чекановскаго, Н. Пузанова, П. Корбейникова, Н. Ѳедорова, Н. Поройкова, А. Никифорова, А. Кильчевскаго, іером. Назарія (Лежаву), Н. Богоявленскаго (олонец.), В. Солицева, И. Левитскаго, Г. Чиннова и П. Смирнова удостоить степени кандидата богословія съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе удовлетворительныхъ для сей степени новыхъ сочиненій, согласно § 139 уст. дух. акад. и указу Св. Синода отъ 5 іюня 1895 года за № 2567;

б) Н. Державина, В. Барвинка, свящ. Н. Блошенко, В. Травина, Н. Богоявленскаго (новгород.), іером. Аполлинарія (Кошевого). Н. Москалевича, П. Сербинова, И. Гладковскаго, А. Проскурякова, А. Поповича, Г. Скарданицкаго, М. Омеляновича, Е. Нагорнаго, В. Гомерова, Н. Мильскаго, Н. Троепольскаго, М. Иллюминатова, Н. Пустошнова, Б. Георгіевскаго, И. Стеллецкаго, В. Зерчанинова, А. Боброва, М. Глаголева, И. Ашихмана, М. Орлова, В. Шаповалова, И. Зеленкевича,

В. Демьяновскаго, И. Паславскаго, П. Стасиневича, П. Симонскаго, Л. Яновскаго, В. Бошняковича и Д. Терзича удостоить степени кандидата богословія (§ 137, уст. дух. акад.).

Настоящее постановленіе, на основаніи § 81 б. 10 уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи изготавить для окончившихъ курсъ воспитанниковъ дипломы на степень кандидата богословія.

II. Докладъ секретаря Совѣта: „На основаніи § 54 и 81. б. 5. уст. дух. акад., 9 пункта указа Св. Синода отъ 29 апрѣля 1884 года за № 4 и опредѣленія Св. Синода отъ ^{31 Марта}_{11 Апрель} 1892 года Совѣту Академіи предоставляется оставить двухъ лучшихъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ профессорскими стипендіатами при Академіи, а объ остальныхъ выпускаемыхъ изъ нея представить Св. Синоду и рекомендовать Учебному Комитету при Св. Синодѣ къ опредѣленію на учительскія должности въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ или на должности помощниковъ инспектора семинаріи“.

Постановили: Изъ 48 окончившихъ курсъ воспитанниковъ Академіи оставить первыхъ двухъ по списку—Алексѣя Чекаповскаго и Николая Пузанова—профессорскими стипендіатами при Академіи на 1905—1906 учебный годъ, Святѣйшему Синоду представить и Учебному Комитету при Св. Синодѣ сообщить, вмѣстѣ съ подробною вѣдомостью объ учебныхъ успѣхахъ и поведеніи выпускаемыхъ изъ Академіи воспитанниковъ, что изъ нихъ два иностранца—сербы В. Бошняковичъ и Д. Терзичъ—имѣютъ возвратиться на родину, кандидатъ П. Симонскій, уплатившій слѣдующую съ него за казенное содержаніе въ Академіи сумму, отказался отъ службы по духовно-учебному вѣдомству, и затѣмъ остаются безъ назначенія 43 кандидата, изъ которыхъ П. Сербиновъ, И. Гладковскій, А. Поповичъ, Н.

Тропольскій, И. Стеллецкій, И. Зеленкевичъ и В. Демьяновскій могутъ быть рекомендованы къ опредѣленію на должности помощниковъ инспектора въ семинаріи, а остальные признаются способными къ занятію слѣдующихъ преподавательскихъ кафедръ: П. Коробейниковъ, Н. Оедоровъ, Н. Порошковъ, Н. Державинъ, А. Никифоровъ, А. Кильчевскій, іеромонахъ Назарій (Лежава), Н. Богоявленскій (олон.), В. Солнцевъ, И. Левитскій, Г. Чипновъ и П. Смирновъ—по всѣмъ предметамъ въ духовныхъ семинаріи и училища, кромѣ не изучавшихся ими въ Академіи групповыхъ предметовъ, В. Барвинокъ и свящ. Н. Блошенко—по общей церковной исторіи, по исторіи русской церкви и по исторіи и обличенію русскаго раскола въ семинаріяхъ и по всѣмъ предметамъ (кромѣ латинскаго языка) въ училищахъ; В. Травинъ, Н. Богоявленскій (новгород.), іером. Аполлинарій (Кошевой) по исторіи русской церкви, по исторіи и обличенію русскаго раскола въ семинаріяхъ и по всѣмъ предметамъ, кромѣ не изучавшагося ими одного изъ древнихъ языковъ, въ училищахъ; Н. Москалевичъ, А. Проскуряковъ, Г. Скарданичскій, М. Омеляновичъ, Е. Нагорный, В. Гомеровъ, М. Мильскій, М. Иллюминатовъ, Н. Пустошновъ, Б. Георгіевскій, В. Зерчаниновъ, А. Бобровъ, М. Глаголевъ, И. Ашихманъ, М. Орловъ, В. Шаповаловъ, И. Паславскій. П. Стасиневичъ и Л. Яновскій—по всѣмъ предметамъ въ духовныхъ училищахъ, кромѣ не изучавшагося ими одного изъ древнихъ языковъ. Въѣстъ съ тѣмъ порядковъ списокъ всѣхъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ препроводить Г. Оберъ-Прокурору Св. Синода, а въ Канцелярію Оберъ-Прокурора алфавитный списокъ ихъ съ необходимыми свѣдѣніями и адресами.

III. Отзывы:

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова о представленномъ профессорскимъ стипендіатомъ Митро-

фаномъ Инсарскимъ отчетъ о занятіяхъ его по догматическому богословію въ 1904—1905 году:

„Стипендіату г. Инсарскому, заявившему желаніе посвятить 1904—1905 учебный годъ спеціальнымъ занятіямъ по предмету догматическаго богословія, въ началѣ года мною рекомендовано было обстоятельное ознакомленіе съ существующими на русскомъ языкѣ, а также нѣкоторыми католическими и протестантскими, догматическими системами. Представленный г. Инсарскимъ отъ 31 мая въ Совѣтъ Академіи отчетъ о занятіяхъ показываетъ, что эта задача выполнена имъ съ точностью.

Изъ русскихъ догматическихъ системъ протудированы системы протоіерея Терновскаго, архимандрита Антонія Амфиотатрова, преосвященныхъ Макарія, Филарета, Сильвестра, и наконецъ, протоіерея Малиновскаго.

Догматика протоіерея Терновскаго, при стройности внѣшняго распорядка, еще не отличается полнотою содержанія и строгой внутренней упорядоченностью; краткостью отличается и догматика Антонія, но при краткости—ясностью, точностью и содержательностью. Догматика Макарія представляетъ собою классическій трудъ по богатству содержанія, обилію матеріала, точности формулировки и раздѣльности при расчлененіи догматическаго содержанія. Затѣмъ, трудъ Филарета есть опытъ построенія такой догматики, которая позволяла бы „прямо смотрѣть“ въ глаза какъ откровенной истинѣ, такъ и научнымъ воззрѣніямъ и относилась бы съ вниманіемъ къ раціоналистическимъ мнѣніямъ. Стремленіе научно обосновать христіанскіе догматы заставляетъ преосвящ. Филарета удѣлять много мѣста экзегезису библейскаго текста и соображеніямъ разума. По своей господствующей точкѣ зрѣнія трудъ преосвященнаго Филарета составляетъ переходъ отъ указанныхъ догматическихъ системъ къ труду преосвящ. Сильвестра. Его „Опытъ православно догматическаго богословія“ выясняетъ догматъ, какъ

живую силу сознанія, главный путь къ этой цѣли—историческое изложеніе догматовъ, которые повтому занимають первое мѣсто въ системѣ преосвящ. Сильвестра и составляетъ ея болѣе характерный признакъ. Догматика протоіерея Малиновскаго стоитъ въ зависимости отъ упомянутыхъ руководствъ, стремясь синтезировать сдѣланное прежними догматистами.

Сдѣлавъ эту *общую*, совершенно *вѣрную*, *характеристику* избранныхъ системъ, г. Инсарскій переходитъ къ самому ихъ обозрѣнію, при чемъ это обозрѣніе ведется параллельно или сравнительно въ послѣдовательномъ порядкѣ основныхъ пунктовъ догматики, начиная съ введенія. Изъ вводныхъ вопросовъ онъ останавливается на выясненіи различія, какое существуетъ между сравниваемыми догматическими системами во взглядахъ на *методъ* и *задачу* догматическаго богословія, — различія, которое въ свою очередь объясняется различіемъ точекъ зрѣнія на положеніе догмата въ догматической наукѣ. Такихъ точекъ зрѣнія указывается двѣ: или догмату придается только *объективное* значеніе и изложеніе догматовъ направляется къ *воспринимающей формально-логической* дѣятельности разсудка; въ такомъ случаѣ догматика расчленяетъ содержаніе догматовъ, ставитъ догматы въ логическую связь и привлекаетъ къ поставленнымъ рубрикамъ весь догматическій матеріалъ, или же догматика разсматриваетъ догматы и по ихъ *субъективно-психологическому* значенію, какъ живыя истины вѣры, проникающія въ вѣрующее сознаніе и здѣсь претворяющіяся въ плоть и кровь. Первая задача съ особенной послѣдовательностью преслѣдуется и выполняется митрополитомъ Макаріемъ; она ставится также и протоіереемъ Терновскимъ, архимандритомъ Антоніемъ и протоіереемъ Малиновскимъ, а вторая выполняется главнымъ образомъ преосвящ. Сильвестромъ. Преосвящ. Филаретъ занимаетъ посредствующее положеніе, ближе однако стоять къ первому.

Эти характерныя черты во взглядахъ на задачу и методъ догматики отражаются прежде всего на *планѣ*. М. Макарій дѣлитъ свою догматику на 1) ученіе о Богѣ и его общемъ отношеніи къ міру и человѣку и 2) ученіе о Богѣ, какъ искупителѣ, и особенномъ отношеніи Его къ человѣческому роду; исходная его точка зрѣнія—формальная: христіанская религія, истины которой составляютъ предметъ христіанскаго богословія, есть союзъ Бога съ человѣкомъ возстановленный, ученіе о которомъ и требуется поэтому выдѣлить и отдѣлнить. Преосвящ. же Сильвестръ все содержаніе науки дѣлитъ на 1) ученіе о Богѣ въ самомъ себѣ и 2) ученіе о Богѣ въ его явленіи тварямъ. Въ своемъ дѣленіи онъ руководится анализомъ нашихъ понятій и представленій о Богѣ: поэтому его исходный пунктъ покоится на психологической основѣ, именно—на той чертѣ нашихъ воззрѣній, по которой мы необходимо мыслимъ Бога въ самомъ себѣ и въ Его явленіи тварямъ.

Планъ преосвящ. Сильвестра, имѣя психологическую основу, сообщаетъ и самому изложенію догматовъ особую, такъ сказать, *психологическую цѣлостность*. Такъ, *истина бытія* Божія у м. Макарія, Антонія, Терновскаго и Малиновскаго совсѣмъ не обследуется. Но преосвящ. Филаретъ и Сильвестръ имѣютъ съ ней дѣло. Преосвящ. Филаретъ приводитъ доказательства въ ихъ обычной постановкѣ, преосвящ. Сильвестръ ставитъ дѣло болѣе широко. Излагая по своему методу ученіе божественнаго откровенія и отцовъ и учителей Церкви, раскрывающее тѣ способы пріобрѣтенія увѣренности въ бытіи Божіемъ, которые извѣстны подъ именемъ доказательствъ бытія Божія, онъ даетъ цѣлую психологическую теорію религіознаго самосознанія, находящую свое фактическое подтвержденіе въ раскрываемомъ далѣе позднѣйшемъ историческомъ ходѣ богословствующей и философствующей мысли.

Съ истинной бытія Божія непосредственно связывается вопросъ о *познаваемости* Бога. Сущность его сводится къ

двумъ частнымъ вопросамъ: познаваемъ ли Богъ вообще и если познаваемъ, то каково это познаніе? Первый вопросъ всѣми догматистами рѣшается положительно. Рѣшеніе второго вопроса у нихъ формулируется въ положеніи: Богъ можетъ быть познаваемъ только отчасти. Формула безусловно вѣрная, но не опредѣленная, такъ какъ возбуждаетъ еще вопросы: есть ли это знаніе „отчасти“ — знаніе соотвѣствующее дѣйствительности и положительное и могутъ ли источники, изъ которыхъ почерпается это знаніе, дать знаніе, такъ сказать, отражающее Бога. Никто изъ догматистовъ, за исключеніемъ преосвящ. Филарета и Сильвестра, этихъ вопросовъ не касается.

Такое же сравненіе проводится, далѣе, между обозрѣваемыми системами въ ученіи о свойствахъ Божіихъ, о Троицѣ, о твореніи, о сущности спасительнаго дѣла Христова, отношеніи благодати и свободы, о значеніи вѣры и добрыхъ дѣлъ и о Церкви.

Въ результатѣ, сдѣланное г. Инсарскимъ сравненіе русскихъ догматическихъ системъ свидѣтельствуетъ о его вдумчивомъ и вполне основательномъ ихъ изученіи, о силѣ его критической мысли и ея способность разбираться въ сложныхъ логическихъ построеніяхъ.

Изъ иностранныхъ догматикъ рассмотрѣны:

- 1) *Praelectiones theologiae*, I. Perrone, изд. 1838 г. въ 5 томахъ.
- 2) *Christliche Dogmatik* Martensen.
- 3) *Christliche Dogmatik*. von Ebrard, въ 2 томахъ, 1862 г.
- 4) *Christliche Dogmatik*, von. Biedermann, 1869, и
- 5) *Exposé de theologie systématique* par A. Gretillat, t. I. *Methodologie*, t. II *Apologetique*. Canonique, t. III *Dogmatique*.

О всѣхъ этихъ догматическихъ системахъ г. Инсарскій въ своемъ отчетѣ дѣлаетъ совершенно вѣрные и обстоятельныя

критическія замѣчанія. А это показываетъ, что онѣ не бѣгло имъ прочитаны, а протудированы, какъ и русскія, основательно.

Значительную часть отчетнаго года г. Инсарскій посвятилъ *обработкѣ* своего *кандидатскаго* сочиненія подъ заглавіемъ: „Раскрытіе мысли ап. Павла о законѣ, какъ пѣступнѣ во Христа“, въ цѣляхъ представить его въ качествѣ магистерской диссертациі. Находя, что одно лишь раскрытіе мысли ап. Павла, какъ это было въ кандидатскомъ сочиненіи, освѣщаетъ педагогическое служеніе закона только съ одной стороны, именно со стороны, идейнаго отношенія между закономъ и спасеніемъ во Христѣ и потому не исчерпываетъ пѣступства закона, онъ рѣшилъ восполнить содержаніе своего сочиненія, рассмотрѣвъ самый законъ и его содержаніе пѣступства и прослѣдивъ вліяніе закона на характеръ и развитіе идеи спасенія въ ветхозавѣтной литературѣ. Это и составляло главный его трудъ по части переработки сочиненія,—трудъ, уже почти законченный“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева о представленномъ профессорскимъ стипендіатомъ іеромонахомъ Апатоліемъ (Грисюкомъ) отчетѣ о занятіяхъ его по общей церковной исторіи въ томъ же учебномъ году.

„О. Анатолій при своихъ занятіяхъ по указанному предмету имѣлъ въ виду во 1-хъ, составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о церковной исторіи, какъ наукѣ; во 2-хъ, познакомиться въ академической библіотекѣ съ курсами по этому предмету, и въ 3-хъ перечитать главнѣйшіе источники общей церковной исторіи.

Налъ уясненіемъ первой задачи о. Анатолій трудился много, ибо исторія—говорятъ онъ—есть понятіе довольно спорное: существуетъ не мало опредѣленій исторіи, какъ науки, которыя иной разъ расходятся до діаметральной противоположности. Но по отношенію къ церковной исторіи вопросъ ослож-

наятся тѣмъ спеціальнымъ предметомъ, который она имѣть въ виду. Что такое церковь,—опредѣленіе этого понятія опять таки не легко (постоянные споры).—Для уясненія означенной задачи авторъ изучилъ довольно много трудовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ. Разсужденія автора по изслѣдуемому имъ вопросу обнаруживаютъ ясность и силу его мысли.

Перечисляя курсы по древней церковной исторіи и сочиненія объ отдѣльныхъ сторонахъ церковной жизни, которыя авторъ просмотрѣлъ (Неандеръ, Мѣллеръ, Функъ, Куртцъ, Бауръ, Гарнакъ,—на русскомъ языкѣ Робертсонъ въ переводѣ Лопухина, Ф. А. Терновскій, А. П. Лебедевъ), онъ дѣлаетъ характеристики трудовъ Неандера, какъ родоначальника новѣйшей церковной исторіографіи, и Гарнака, какъ главнѣйшаго и знаменитѣйшаго современнаго церковнаго историка. Характеристики о. Анатолій дѣлаетъ краткія, но вполне основательныя, обнаруживающія опытную руку.

Изъ первоисточниковъ о. Анатолій непосредственно познакомился съ писаніями мужей апостольскихъ, актами мученическими въ отрывкахъ и изложеніи ихъ у le Blontú, мартіологіями (въ изданіи Achelisu), дѣяніями вселенскихъ соборовъ въ изданіи Казанской Духовной Академіи (важнѣйшія мѣста были просмотрѣны по изд. Mansi).

Кромѣ того о. Анатоліемъ прочтены были церковныя исторіи Евсевія Кессарійскаго и труды древнихъ церковныхъ историковъ Сократа, Созомена, Θεодорита, Θεодота чтеца, Евагрія, Филостерія.

Изъ русской литературы по общей церковной исторіи о. Анатоліемъ прочтены были труды протоіерея А. В. Горскаго, Иванцова Платонова, Чельцова, М. Г. Ковальницкаго, Глубоковскаго, Розанова, Самуилова, Лепорскаго и *Болотова*. Труды послѣдняго (печатные и литографированные) были для о. Анатолія образцомъ историко крѣгическаго метода.

О. Анатолий, изучивъ церковно-историческую литературу, обратилъ вниманіе на отдѣлы ея: а) на исторію ученія о лицѣ Іисуса Христа, какъ вмѣющую ближайшее отношеніе къ темѣ его диссертациі; б) исторію аскетизма и монашества по причинамъ психологическаго свойства.

Разсмотрѣнный отчетъ о. Анатолія обнаруживаетъ въ немъ на ряду съ трудолюбіемъ зрѣлость мысли. Къ занятію каѳедры по общей церковной исторіи въ высшемъ учебномъ заведеніи онъ хорошо подготовленъ“.

б) Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи объ избраніи профессорскаго стипендіата іеромонаха Анатолія исправляющимъ должность доцента Академіи по вакантной за перемѣщеніемъ въ 1903 году доцента І. Бродовича на службу въ Харьковскій Университетъ каѳедрѣ общей церковной исторіи.

Справка: Іеромонахъ Анатолій всѣми членами единогласно въ Совѣтѣ былъ признанъ достойнымъ такового избранія.

Постановили: Отзвы о занятіяхъ профессорскихъ стипендіатовъ іеромонаха Анатолія и М. Инсарскаго принять къ свѣдѣнію. На основаніи 55 § Уст. Дух. акад. опредѣлить кандидата богословія іеромонаха Анатолія на вакантную каѳедру общей церковной исторіи съ званіемъ исправляющаго должность доцента, впредь до утвержденія его въ степени магистра, и съ производствомъ ему содержанія по должности доцента съ 16 августа сего года, о чемъ, на основаніи § 53 и 81 б 4 Уст. дух. акад. представить на утвержденіе Его Высокопреосвященста, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій о производствѣ іеромонаху Анатолію съ 16 августа сего года положеннаго по должности доцента содержанія. М. Инсарскаго рекомендовать Учебному Комитету при Св. Си-

нодѣ для распредѣленія его на соответствующую его спеціальнымъ занятіямъ преподавательную кафедру въ духовной семинаріи.

IV. Предложеніе Преосвященнаго Ректора: „За послѣдовавшею 12 марта сего года смертью профессора М. Олесничаго, занимавшаяся имъ кафедра психологіи остается свободною. Предлагаю Совѣту Академіи избрать кандидата для замѣщенія этой кафедры.

Справка: Присутствовавшими членами Совѣта поданы голоса въ пользу окончившаго въ 1899 году курсъ наукъ Академіи, а нынѣ состоящаго преподавателемъ Калужской духовной семинаріи кандидата богословія Ивана Четверикова.

Постановили: Состоящаго нынѣ преподавателемъ Калужской духовной семинаріи кандидата богословія Ивана Четверикова считать избраннымъ на кафедру психологіи и отнести въ Правленіе сей семинаріи съ запросомъ, нѣтъ ли со стороны семинарскаго начальства препятствій къ перемѣщенію г. Четверикова на службу въ Академію.

На семь журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „15 іюня 1905 года. Утверждается“.

1905 года 3 іюня.

Въ собраніи Совѣта Киевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ

экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго, не бывшаго въ собраніи по причинѣ болѣзни.

Слушали: I. Коллоквиумъ, на которомъ, въ присутствіи членовъ Совѣта, доцентовъ и другихъ преподавателей Академіи и служащихъ при ней лицъ, а также постороннихъ лицъ, приглашенныхъ Совѣтомъ Академіи, на основаніи 136 § Уст. дух. акад., — преосвященнаго Агапота, Епископа Уманскаго, начальниковъ и наставниковъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній, священниковъ Кіевскихъ городскихъ церквей и нѣкоторыхъ любителей духовнаго просвѣщенія — преподаватель Воронежской духовной семинаріи, кандидатъ богословія Василиій Поповъ защищалъ представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія сочиненіе подъ заглавіемъ: „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.)“. Официальными оппонентами при защитѣ были экстраординарный профессоръ Ѳ. Покровскій и доцентъ П. Мухинъ. Послѣ рѣчи магистранта, сохранившей поясненіе предмета и задачи его труда, слѣдовали возраженія со стороны оппонентовъ, на которыя магистрантомъ даны были надлежащіе отвѣты или объясненія. Состоявшуюся защиту магистрантомъ своего сочиненія Совѣтъ Академіи призналъ удовлетворительною.

Постановили: Вслѣдствіе признанія удовлетворительною состоявшейся защиты кандидатомъ богословія Василиемъ Поповымъ сочиненія его: „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.)“, и на основаніи признанной 12 октября 1904 года удовлетворительности самаго сочиненія для степени магистра богословія, удостоить автора его этой степени и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевского Флавіана предъ Святѣйшимъ Синодомъ

объ утверженіи В. Попова въ степени магистра богословія на основаніи § 12 в. 6 Уст. дух. акад.

II. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона; „Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 сентября 1904 года за № 7389 опредѣлено ежегодно одного стипендіата одной изъ Духовныхъ Академій, вмѣсто оставленія при Академіи въ теченіе одного года, командировать на это время для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ, съ добавленіемъ къ его стипендіатскому окладу въ 700 рублей изъ духовно-учебнаго капитала 800 руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобы сумма эта ассигновалась поочередно въ распоряженіе Академій: С.-Петербургской, Московской, Кіевской и Казанской.

Предлагаю Совѣту Академіи ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшемъ Синодомъ о разрѣшеніи нашей Академіи на слѣдующій 190⁵/₆ учебный годъ, очередной въ данномъ случаѣ для нашей Академіи годъ, командировать для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ только что избраннаго Совѣтомъ Академіи на кафедру общей церковной истории иеромонаха Анатолия (Грисюка) съ тѣмъ, чтобы къ годовому доцентскому его складу въ 1200 руб. были присоединены Святѣйшимъ Синодомъ изъ духовно-учебнаго капитала 800 руб., разрѣшенные Св. Синодомъ къ ассигновкѣ на это дѣло. Занятія при Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ между прочимъ были бы весьма полезны и для самаго о. Анатолия въ смыслѣ болѣе солидной подготовки его къ чтенію лекцій по кафедрѣ общей церковной исторіи“.

Постановили: Соглашаясь исполнѣть съ предложеніемъ Преосвященнаго Ректора, ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи Совѣту Академіи на 190⁵/₆ учебный годъ командировать для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ избраннаго Совѣ-

томъ Академіи на кафедре общей церковной истории іеромонаха
Анатолія (Грисюка) съ тѣмъ, чтобы къ годовому доцентскому
окладу содержанія его въ 1200 руб. были отпущены на время
командировки изъ духовно-учебнаго капитала 800 рублей.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митро-
политомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „15 іюня
1905 г. Согласенъ“.